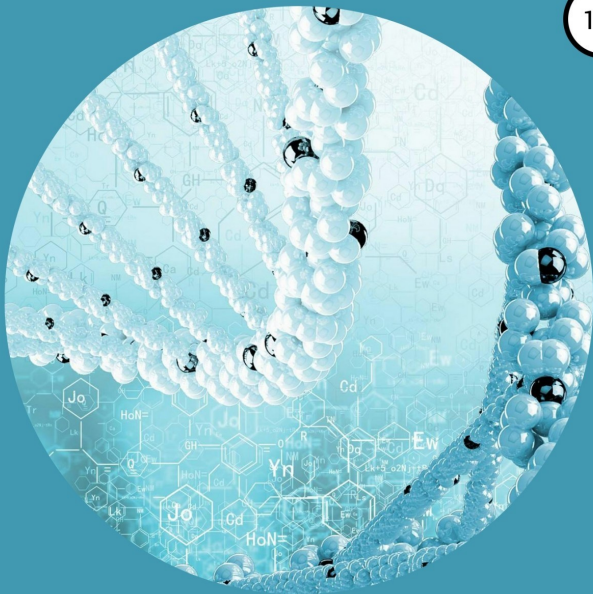

Кузин Андрей

12+

Правдивые сказки Анатолича про адронный коллайдер

Андрей Кузин

**Правдивые сказки Анатолича
про адронный коллайдер, или
Черт побери этот ускоритель
элементарных частиц**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39470862
SelfPub; 2018*

Аннотация

Анатолич – бывший военный, который устроился на работу охранником на заброшенный адронный коллайдер в подмосковном Протвино. Приключения начались, когда коллайдер решили запустить и открылся портал в древний мир, когда на земле жил Змей Горыныч, который проник в коллайдер, а главному герою пришлось решать эту странную проблему. Сказочное городское фэнтези с юмором и нелепыми ситуациями из жизни.

Содержание

Вступление	5
Глава 1: Первый рабочий день	19
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Правдивые сказки Анатолича про адронный коллайдер или черт побери этот “Ускоритель элементарных частиц”

Вступление

Разрешите представиться! Меня зовут – Анатолич. Ну, а если по паспорту, то Анатолий Александрович Репин или, как написано в моем зеленом военном билете – майор запаса пограничных войск. Совсем недавно мне стукнуло целых сорок пять лет. Биография моя вполне скромная – родился, учился, женился и пока еще не помер, чем и огорчаю сейчас свою любимую тещу. А теперь позвольте мне поведать небольшие подробности о моём жизненном пути самурая Вооруженных Сил Российской Федерации.

На свет я появился в скромном уездном городке с чудным названием – Карачев, который занял свое почетное место в виде небольшой маленькой черной точки на огромной карте Брянской области. Возраст этого исторического поселения уходит своими корнями в самые далекие анналы русской истории, откуда этот славный город до сих пор еще и не выбрался. Впервые славный город Карачев упоминается в знаменитой “Ипатьевской летописи” в записи от 1146 года. Стоит заметить, что это ровно на год больше знаменитой Москвы, упоминания о которой, в той же летописи, датируются всего лишь каким-то там апрелем 1147 года. Этот исторический факт является гордостью Карачевцев потому, что хоть чем-то они перещеголяли этих вездесущих москвичей. Название города, по одной из версий ученых-истори-

ков, происходит от древнеславянского "корка" или "корч". Но, местные старожилы-алкоголики твердо уверены в том, что своё название Карачев получил во времена нашествия татар и в переводе с тюрского означает "чёрный лес". Лично я поддерживаю второй вариант происхождения названия потому, что город был, есть и остается бесперспективным местом для жизни любого человека. Все градообразующие предприятия давно распроданы под склады и магазины или находятся на грани разорения уже много лет. Нормальной работы уже давным-давно нет. Все местное дееспособное население, включая детей, профессионально владеют сельскохозяйственной наукой по выращиванию всего съедобного из различных несъедобных семян и рассады. Каждый местный житель в совершенстве владеет тяпкой и вилами, покруче любого ниндзя с его умением управляться нунчаками.

Я всегда очень любил этот замечательный, тихий небольшой городок. Но, окончив школу на среднее "хорошо" с тройками, я твердо и самоотверженно решил уехать отсюда подальше, на поиски лучшей жизни для себя и моей будущей семьи.

Для реализации этого плана я поступил в военное училище, где проучился долгих похмельных пять лет. Вышел я оттуда бравым молодым офицером пограничных войск, которого родина отправила защищать обширную границу нашей необъятной родины в такие же дыры, как и мой любимый Карачев, а иногда и гораздо хуже. Время незаметно преврати-

ло мою шевелюру в копну седых волос, появившихся от пугающих душу ночных засад, боевых действий и постоянного беспробудного пьянства. Не пить при таких условиях жизни было невозможно и логически нецелесообразно. Непьющий офицер вызывал подозрение у своих сослуживцев и не считался отличником боевой и военной службы. Пьянство было еще и самым простым развлечением, которое здесь, далеко от цивилизации, можно было найти. Вот так, совершенно незаметно для меня, пролетело двадцать лет, за которые я обзавелся женой, двумя детьми и двадцатитонным контейнером с барахлом, составляющим все мое нажитое имущество за все эти годы жизни.

Военная служба для меня закончилась в 2003 году, после переподчинения пограничных войск службе с пугающим любого здорового человека названием – ФСБ. Всех старых “воjak” попросили добровольно принудительно покинуть свои должности и уйти на заслуженную пенсию. В числе этих “счастливчиков” была и моя персона. Мне выдали в зубы красивый сертификат на покупку жилья в Подмосковье и пинком сапога отправили на все четыре стороны, словно и не было этих двадцати лет посвященных любимой родине. Длинный кусок моей военной жизни был отрезан навсегда, с присвоением очередного звания и военными почестями в виде благодарности от командира части. На полученный от родины сертификат мне с трудом удалось купить только маленькую старую двухкомнатную квартиру на окраи-

не небольшого подмосковного городка Протвино, доплатив еще часть денег из собственных сбережений.

Город Протвино величественно расположился на юге Московской области, на небольшой реке Протва, недалеко от её впадения в знаменитую Оку, приблизительно в 15 км к западу от Серпухова и 100 км к югу от Москвы. Это сравнительно молодой город, который был основан как рабочий посёлок в 1960 году. Сейчас здесь проживает порядка сорока тысяч человек, плюс я с семьей. По своему укладу жизни, этот город напомнил мне давно покинутый мною Карачев. Тихий городок, где все друг друга знают в лицо и перспектив здесь очень мало. Основной вид транспорта – велосипед. Основной вид деятельности – бесконечное перетирание костей друг другу, огород, консервирование всего найденного в соседних лесах и выращенных на грядках овощей и петрушки.

У вас, наверное, возникает вполне резонный вопрос – почему я не вернулся на свою историческую родину в славный город Карачев? Здесь все очень просто. Город Москва, для жителей нашей страны и ее ближайших соседей, является сказочным центром больших возможностей, огромных денег и прочих существующих в мире реальных благ. Приехав сюда, я, как и миллионы приезжающих в эти дивные края, наивно надеялся быстро покорить Москву. Плацдармом для полномасштабного наступления на столицу нашей родины, я выбрал всеми забытый город Протвино. Именно здесь я и получил заветную подмосковную прописку, которая долж-

на была мне открыть доступ к несметному богатству и процветанию, как золотой ключик для Буратино должен быть открыть заветную дверь к сокровищам. Своей главной стратегией развития я выбрал задачу быстро найти высокооплачиваемую работу в Москве, заработать большую кучу денег и, впоследствии, поселиться в самой Москве. Вы спросите, для чего это все было мне нужно? Отвечаю – для нас, самых обычных советских людей, статус жителя Москвы, это вроде дворянского или даже царского титула. Все стремятся стать москвичами, но зачем точно никто толком сказать не может. Вероятно, все дело в древней легенде, согласно которой любой москвич получает кучу денег только потому, что он москвич! В легенде говорится, что москвичи даже могут совсем не работать или работать кое-как, но при этом они будут получать много денег. Еще одна весомая причина выбранной стратегии – получение морального удовлетворения от скрипучей зависти всех моих немногочисленных родственников, одноклассников и прочих “немосквичей”. Один только факт того, что место моего жительства будет Москва (или даже Подмосковье) заставляла их пускать слюни и просить устроить их там на работу. Моя прописка означала для них то, что я добился в этой жизни всего и гребу деньги большой саперной лопатой, как любой среднестатистический москвич. Я раньше и не полагал, что завидовать особо было нечему. Жизнь показала, что я сменил один бесперспективный город на другой. Но, об этом всем я узнал

гораздо позже.

После переезда в Протвино, я активно занялся обустройством своей новой (для меня) и одновременно очень старой (для коммунальщиков) квартиры, воодушевившись мнимыми перспективами, маячащими на моем лучезарном горизонте карьерной и финансовой славы. Месяц ушел на легкий косметический ремонт квартиры. Еще месяц на распределение по своим законным местам всего нажитого непосильным трудом имущества из контейнера. Потом, еще неделю, мы делили территорию квартиры, между членами семьи. После долгих переговоров, мне с женой досталась кухня, а дети забрали себе по комнате в нашей двухкомнатной квартире. Балкон достался мне с женой, т.к. дверь на него была на кухне. Но все это было временными трудностями, которые пора было решать, устроившись на новую работу.

Что самое главное в поиске работы? Правильно – хорошее резюме! Я отрыл шкаф, где хранились старые школьные тетради моих любимых повзрослевших детей. В одной из них нашелся чистый пожелтевший белый листочек в клеточку, который был успешно и очень аккуратно отделен от тетради. Я устроился поудобней за кухонным столом и принялся творить свою новую карьеру. Я искренне верил, что заслуженный боевой офицер России достоин места не ниже генерального директора в любой уважающей себя крупной компании. У меня не было никаких сомнений, что я еще буду выбирать, где больше предложат денег в качестве компенсации за мой

героический труд. Синей ручки не нашлось, поэтому резюме я писал красной, обнаруженной тут же среди школьных тетрадей. Это, даже, было намного лучше. Так мое резюме выглядело ярче и заманчивей для потенциальных работодателей. Через полчаса был готов этот пропуск в мою будущую карьеру. Полдела было, считай, уже сделано.

Я вышел на балкон, полностью удовлетворенный проделанной работой. Достал сигарету и глубоко затянулся, после тяжелого трудового подвига. Глаза, еще раз, быстро пробежались по написанному красному тексту:

РЕЗЮМЕ

ФИО: Репин Анатолий Александрович

Год и место рождения: 16.10.1965, Брянская обл. г.Калачев

Национальность: русский

Прописка: Московская обл. г.Протвино(самый важный пункт, я специально его подчеркнул)

Возраст: 45 год

Образование: военное

Опыт работы: Майор запаса пограничных войск. Руководство личным составом.

Вроде бы все написал, подумал я, выпуская плотную струю сигаретного дыма в воздух. С таким богатым опытом руководства, я быстро устраюсь на хорошую работу. Я бро-

сил дотлевающий «бычок», оставшийся от сигареты, с балкона. Тот спикировал вниз, словно сбитый вражеский летчик, оставляя полоску дыма от пожара в хвостовой части. Больше судьбой этого окурка я не интересовался.

С завтрашнего дня я приступил к поиску вожделенной работы. К моему глубокому удивлению в этой странной Москве, такой высококвалифицированный специалист, как я, оказался совсем никому не нужен. Моему возмущению не было предела. Зажрались они тут все! Вот так легко бросаться таким ценным кадром, как я, это было несказанно глупо! Я совершенно не мог понять, почему все потенциальные работодатели всегда улыбались, читая мое немного измятое собеседованиями резюме, которое я носил в кармане брюк, аккуратно сложив листок пополам и еще пополам, поместив его в обложку паспорта. Что такого случилось в этом гражданском мире, пока я беззаветно служил Родине? Что именно их не устраивало во мне? Как же глубоко я ошибался, когда верил, что российский офицер в запасе это очень круто и престижно. В этом странном московском мире все перевернуто с ног на голову. Это был серьезный и вполне реальный перелом моего крепкого военного мировоззрения. Но я не сдавался, надеясь на заслуженную справедливость, и упорно продолжал посещать однообразные собеседования. Часть компаний все-таки предложило мне работу, но не ту должность, на которую я стремился попасть, а на должность обычного банального офисного охранника. Моя внутренняя

гордость еще позволяла мне отказываться от этих жалких предложений. Быть охранником, это не масштабно для моего стратегического военного ума целого майора запаса.

В поисках перспективной и высокооплачиваемой работы пролетел целый месяц, затем второй, за ним и третий. Моей нормальной военной пенсии катастрофически не хватало даже на скромное существование большой семьи. Жена упорно отказывалась работать, считая, что деньги, это проблемы мужа, а не ее. Взрослые дети жили своей отдельной жизнью, но тоже требовали финансовых вложений в их образование и развлечения. В конце концов я сдался, выбрав участь охранника в одной из компаний, куда хотел устроиться генеральным директором. Работа была несложная. Днем я сидел за столом возле турникета и следил за тем, чтобы никто без пропуска не вошел и не вышел. Ночью я спал на этом же столе, охраняя пустующий холодный офис. Платили мало, но даже это было больше, чем моя скромная пенсия. Так я проработал целый год, за который успел стать матерым лицензированным охранником. За это время Москва и все ее составляющие стали меня сильно раздражать. Ездить на работу было жутко тяжело. Моя новая, купленная на все наши скудные накопления за последние пятнадцать лет “девятка” 1993 года выпуска глохла и постоянно ломалась в этих вечных тягучих пробках. Ремонт обходился дорого. Пробовал я ездить на электричках и метро, но это тоже оказалось совсем не приятным занятием. Куча народу, постоян-

ные давки, вечно забитые вагоны, духота и злые турникеты, требующие дорогие билеты за проход. Все это мне в один прекрасный момент порядком надоело! Моему измученному военной службой организму такая жизнь стала не под силу. Москва меня окончательно сломила. Я не смог покорить ее, как и миллионы таких же наивных, как я. Старый дурень! Так коротко и по военному, я охарактеризовал свою стремительную московскую карьеру и себя.

Охранники в наше беспокойное время требовались везде, поэтому я твердо решил бросить работу в Москве и устроиться охранником в своем родном Протвино. Я уже больше не мечтал ни о стремительной карьере, ни о должности генерального директора. Сейчас я просто хотел работать недалеко от дома, чтобы спокойно охранять какой-нибудь маленький тихий офис здесь, дожидаясь глубокой старости. Слава богу, опыт работы на гражданке у меня уже имелся. Моя планка требований к рабочему месту за это время сильно сместилась вниз.

Первым делом, я отправился на местную биржу труда. Как и в любом государственном заведении меня там встретили длинные очереди и привычное советское (хамское) отношение к населению. Типа это мы им мешаем работать, что приперлись к их милости. Но я успешно выдержал все назначенные испытания и уже всего через пару часов стал обладателем направления на собеседование в “Государственный научный центр российской федерации – институт физики вы-

соких энергий”, который располагался на улице Победы в городе Протвино. Институт имел свою непроизносимую аббревиатуру «ГНЦ ИФВЭ». Лично я, никогда раньше про него слышал, хотя уже больше года здесь проживаю. Ну как проживаю, ночую в перерывах между сменами. Вместе с направлением я получил красочный информационный буклет про это загадочное научное учреждение. Из него я узнал, что это заведение является одним из крупнейших физических научных центров в России и, фактически, градообразующим предприятием Протвино. Далее, в цветной бумажке, шел текст на русском языке, но на каком-то неизвестном мне диалекте. Перевести его на привычный русский язык у меня не вышло, поэтому привожу его содержание дословно:

“Основной профиль деятельности: проведение фундаментальных теоретических и экспериментальных исследований строения материи на субъядерном уровне путем изучения взаимодействия частиц высоких энергий, подготовка и проведение экспериментов в пучках частиц высоких энергий, создание ускорителей и экспериментальных установок в области ускорительной техники, мощной электрофизики, вакуумной и криогенной техники, сверхпроводимости, радиоэлектроники, систем обработки данных, радиационной техники, приборостроения и автоматизации.

Дополнительно на базе института организовано производство сцинтилляторов, калориметров, оптики, дозиметрических приборов, электромагнитов, радиоэлектроники,

программных средств, нестандартного оборудования, энергообеспечение города, автомобильные перевозки, ремонтные и монтажные работы.”

Лично меня эта информация нисколько не напугала. Если бы я хотя бы немного дружил с физикой в школе, то наверняка бы сразу отказался устраиваться на эту работу из-за слов радиация и ядерная энергия. Меня даже не смутил и тот факт, что предыдущий охранник бесследно исчез и им срочно требовался новый. Но сейчас я совсем не думал об этом. Меня устраивала любая работа возле дома. Медлить было нельзя. Я вернулся домой и быстро переоделся, желая решить вопрос со своим трудоустройством всего за один день. Для солидности я надел свой единственный костюм черного цвета на белую рубашку с пришитой к ней черной бабочкой, который остался у меня еще с моей свадьбы, как и коричневые лакированные туфли. Они немного жали в пальцах, но это было терпимо. Мне требовалось произвести первое впечатление на собеседовании, и этот костюм, с этими туфлями, для такого солидного учреждения был как раз самый подходящий и имеющийся у меня наряд. Военную форму я одевать не стал, а другой приличной одежды я еще не нажил.

В связи с тем, что моя старая машина уже неделю была в безнадежном ремонте, а с общественным транспортом в городе было туговато. Я грубой физической силой отобрал у недовольного сына его горный велосипед, на котором и поехал на важное для меня собеседование. Вот так я и подка-

тил к проходной, этакий бравый удалец в костюме и на железном коне. Встретили меня очень даже хорошо. При виде меня все улыбались и радовались. Я принял это, как жест гостеприимства. Веселые, значит, люди здесь работают. Скучно не будет, решил я.

Наличие у меня большого опыта работы охранником, прошлая военная служба и имеющаяся у меня по службе в армии степень допуска к секретам, послужили поводом мгновенного зачисления меня на работу в этот чудный научный центр. Компенсация за столь интеллектуальный труд оказалась намного меньше московской. Но, если вычесть затраты на дорогу и лечения от многочисленных стрессов, то все выходило в ту же сумму. Приступить к работе можно было уже на следующий день. Мне сделали пропуск с моей свежей черно-белой фотографией, оставшейся с прошлого года от фоток в личное дело. Выдали новую форму: черные брюки, синюю рубашку, черный галстук и черную легкую куртку с кепкой. В общем, типовую форму любого среднестатистического охранника. Место работы мне определили в соседней деревне – Шатово. Именно там, в пятнадцати километрах от города, располагались лаборатории института, которые мне и предстояла охранять. К месту несения службы и обратно, меня будет возить специальный автобус, но можно добираться туда и своим личным транспортом. Остальные инструкции и обязанности я должен был получить на месте – у начальника УНК. Что такое УНК, я спросить постеснялся, бо-

ясь показать себя не с лучшей стороны.

Глава 1: Первый рабочий день

Вот и наступил этот долгожданный первый рабочий день на новом месте. Сегодня я поднялся пораньше, одел новую отглаженную форму охранника и в приподнятом настроении отправился к месту сбора сотрудников научного центра, откуда нас должен был забрать служебный автобус. Народу на остановке было немного, но все они подозрительно посматривали на меня и перешептывались между собой. Ничего, они привыкнут, понимал я их настороженность, т.к. объект был секретный и новые лица в коллективе всегда были подозрительны.

К остановке громко подъехал старенький обшарпанный автобус марки ПАЗ с небольшой табличкой внизу на лобовом стекле **“Для сотрудников УНК”**. Автобус очень тяжело пыхтел и трясся, загрязняя окружающую среду выхлопами чистого ядреного бензина марки АИ-80. Этот вид древнего доисторического транспорта являлся детищем *“Павловского автобусного завода им. А. А. Жданова”*. Первая такая чудо-колесница сошла с конвейера в далеком 1952 году. С тех пор внешний и внутренний мир этого сложного механического устройства больше никогда сильно не изменялся. Здесь не было ни кондиционеров, ни работающей печки, ни всего другого, что призвано было сделать комфортным передвижением людей внутри этого прямоугольного железно-

го ящика. Это чудо на колесах можно было назвать теплицей или холодильником, но никак не автобусом. Все в нем было сделано исключительно для того, чтобы закалить и без того крепкий и могучий российский народ. Короче говоря, ехать в таком автобусе было жуть как неприятно и не комфортно. Помимо всего, в салоне таких автобусов, всегда сильно воняло бензином и жженой резиной, словно выхлопная труба была выведена прямо под пассажирские сиденья. Одежда, после катания на таком ПАЗ-ике, еще неделю воняла выхлопами старичка-автобуса, но в моем случае, другого выбора не было. Я брезгливо вошел в салон автобуса и сел на самое дальнее заднее сиденье, обшитое изрезанным коричневым дерматином, под которым виднелась потемневшая от времени фанера и вата. В умирающий ПАЗик погрузилось еще человек двадцать. Компания внутри автобуса собралась разношерстная. Здесь были классические деревенские бабеньки преклонного возраста в цветастых платочках, много ничем неприметных серых граждан и, еще, в автобус вошли двое мужчин жутко заумного вида в очках-хамелеонах, с серыми дипломами, которые они крепко держали у себя на коленках. ПАЗик недовольно прошипел, закрывая раздвижные двери, и повез нас в неизвестном мне направлении. Местные дороги оставляли желать лучшего. До деревни Шатово наш путь был выложен из неровно состыкованных бетонных плит. Дряхлый ПАЗик и так трясло, даже на ровных участках дороги, а здесь были настоящие американские гор-

ки.

Минут через двадцать мы проехали поднятый вверх по-
лосатый проржавевший шлагбаум, с приваренным к нему
красным дорожным знаком – “кирпич”, краска на котором
практически вся облупилась от времени. Судя по всему, за
шлагбаумом, и находились те самые секретные объекты, ко-
торые мне и предстояло охранять. Далее наш путь проходил
по некогда большой, а ныне полностью заброшенной громад-
ной советской стройке. Недостроенные здания еще той ве-
ликой коммунистической эпохи располагались по обе сторо-
ны бетонной дороги. Это больше походило на большой за-
брошенный завод, чем на лаборатории научного центра. Все
вокруг, включая дорогу, поросло травой по самый пояс. По
пути мы проезжали мимо высоких странных башен, обши-
тых ржавым железом и битым шифером на крыше, валяю-
щиеся на боку ржавые строительные краны, большие анга-
ры с зияющими в их прогнивших крышах дырами, бетонные
каркасы недостроенных многоэтажных строений, горы стро-
ительного мусора. Я смотрел на все это, широко открыв рот.
Куда меня везут? Это место у меня вызвало забытое чувство
страха. На какое-то мгновение, я даже пожалел, что согла-
сился на эту работу. Но паниковать было еще рано и зыбкая
надежда что не все так плохо, как кажется пока теплилась в
моем сердце.

Наш дряхленький ПАЗик остановился возле единствен-
ного в этом месте нормального достроенного здания. Это бы-

ло длинное потускневшее от времени прямоугольное четырехэтажное строение с высоко торчащей трубой, как у парохода, с одной из сторон. Я бы сказал, что архитектурный стиль был простым и без изысков, этакая утопия стиля и вкуса, и даже эпохи в которую его построили.

Пассажиры автобуса дружно вывалились на улицу и последовали к единственному входу в это здания. Из автобуса я вышел последним. Над входной дверью красовалась надпись, оставшаяся здесь еще с советских времен – “СЛАВА ТРУДУ”. Возле запертой железной двери столпился приехавший народ, активно нажимая на кнопку звонка, тем самым требуя немедленно впустить их на работу. Часть людей стояли в сторонке и курили. С той стороны двери кто-то сунул ключ в замок и громко отворил вход. Люди, не спеша, вошли вовнутрь здания. Последним эту дверь пересек я. Возле турникета меня остановил мой собрат охранник. Это был лысый полноватый мужчина, лет пятидесяти, в очках, сдвинутых на кончик носа и с газетой в руке. Одет он был в такую же форму, что и я. Лысый внимательно посмотрел на мой пропуск, который я ему протянул дрожащей от волнения рукой.

– Привет! Я Герман! – представился лысый и протянул мне свою руку. Я крепко пожал ее и отпустил. – Новенький? – спросил меня Герман, хотя сам знал, что да. – Иди за мной, – сказал он и направился куда-то по узкому коридору. Я засеменил за ним, как собачонка. Герман привел меня к

какому-то кабинету с табличкой в золотистой рамке, на которой было выведено – “Павел Геннадьевич Босс” и чуть ниже “Кандидат физико-математических наук”.

– Здесь у нас кабинет начальника УНК, – пояснил мне Герман. – Он тут самый главный. Давай, сначала к нему зайди на представление, а потом возвращайся ко мне. Я жду тебя там, на посту, – Герман развернулся и ушел, оставив меня одиноко стоять у двери. Я очень тихо робко постучался.

– Входите, – прокричал пугающий громогласный голос за дверью, словно приглашая меня в ад.

Я автоматически, по военному, вытянулся по струнке, поправил свою новую форму и привычным для меня в таких случаях строевым шагом вошел в кабинет своего нового начальника. Здесь, за большим Т-образным столом, сидел щуплый пожилой мужчина с седой острой бородкой и роскошными седыми кучерявыми волосами, как у Эйнштейна. Он серьезно посмотрел на меня из-под своих пышных седых бровей, запугивая меня своей харизмой большого и серьезного руководителя. Я четко дошагал до начала Т-образного стола и громко приставил ногу, приняв положение смирно:

– Товарищ Босс, – хорошо поставленным командным голосом начал я, – представляюсь по поводу своего прибытия на новое место службы, – я сделал паузу. И потом автоматически добавил. – Майор Репин доклад закончил.

– Присаживайтесь голубчик, – предложил мне Павел Геннадьевич, еле сдерживая свою улыбку.

– “Это он так рад моему появлению”, – решил я и сел на самый дальний стул от него, чтобы показаться скромным и воспитанным сотрудником.

– Меня предупредили о вашем визите, – Павел Геннадьевич достал из ящика своего стола большую красную папку с тесненным цветным советским гербом на обложке. – Возьмите ее и ознакомьтесь с содержанием, – он принес папку мне и кинул на стол, прямо перед моим носом. Папка плюхнулась так, что в ушах немного зазвенело. От удара я даже моргнул и немного дернулся, но не подал виду. – Объект, который вы будете охранять, весьма секретный. Прошу вне работы не распространяться о том, что здесь происходит, и чем здесь занимаются люди, – добавил мой новый начальник.

– А что это за объект? – спросил я, до сих пор не понимая, что мне предстояло охранять.

– Вы, надеюсь, когда-нибудь слышали про адронный коллайдер? – спросил меня Павел Геннадьевич.

– Да, – ответил я, не понимая к чему мне задали этот странный вопрос. – В новостях я как-то слышал, что его построили где-то в Европе. Еще слышал, есть мнение, что когда его там запустят, то появится черная дыра, которая поглотит весь наш мир.

– Это все, что вы про него знаете? – еще шире улыбнулся Павел Геннадьевич, словно я сказал что-то смешное.

– Да, – ответил я, немного покопавшись в своей памяти. – “Странные вопросы он мне задает”, – волновался я. – “Валит

гад. На ум может проверять?».

– Откройте папку, – предложил, или даже приказал, Павел Геннадьевич, указав на папку с гербом.

За красной обложкой оказалась подборка старых черно-белых фотографий, на которых радостные люди со знаменем в руках строили что-то грандиозное.

– На этих снимках вся история нашего города и института, – пояснил он. – В 1960 году, в Протвино, началось строительство самого большого в мире ускорителя элементарных частиц на энергию протонов 70 миллиардов электрон-вольт, так называемого адронного коллайдера, – глаза Павла Геннадьевича горели гордостью. – Кольцо ускорителя составляет двадцать один километр в длину и пятнадцать километров в диаметре. Этот громадный тоннель, был вырыт на глубине шестидесяти метров под землей. Ширина этого тоннеля почти шесть метров, что делает его похожим на привычное метро. Сходство с метро дополняется еще и тем, что примерно через каждые полтора километра к кольцевому тоннелю ускорителя примыкают подземные залы для размещения крупногабаритного оборудования («станции»). Эти залы связаны с поверхностью вертикальными шахтами для проводки коммуникаций и транспортировки оборудования. Кольцо ускорителя одним краем проходит через Протвино, а другим касается деревни Шатово. Мы с вами находимся в центре управления Ускорительно-Накопительным Комплексом, сокращенно – УНК.

– А наш русский коллайдер больше европейского? – поинтересовался я. Привычка постоянно сравнивать все иностранное и наше была у меня в крови.

– Нет, – грустно ответил Павел Геннадьевич. – В Церне, в Швейцарии, – пояснил он лично для меня, что это название города, – длинна кольца тамошнего ускорителя на шесть километров длиннее, – здесь лицо Павла Геннадьевича погрустнело еще больше. – Но, сейчас не об этом, – он сменил тему, намекая на то, чтобы я больше его не перебивал. – Наш российский ускоритель достроить до конца не успели. Советское государство, после перестройки, оказалось не в состоянии реализовать до конца этот величайший научный проект, призванный двинуть нашу науку далеко вперед. На текущий момент, выделяемых страной денег хватает только на мелкий ремонт ускорителя, да и на некоторые очень скромные научные опыты, – тут Павел Геннадьевич виновато опустил взгляд в пол. Потом очнулся и посмотрел на меня. – Вопросы еще есть?

– Ага, – робко произнес я. – А здесь не опасно находиться людям? – я сделал наивные глаза. Словосочетание – “адронный коллайдер” пугало меня.

– Не бойтесь, – Павел Геннадьевич снова улыбнулся моему вопросу, – Вашему здоровью здесь ничего не угрожает, – успокоил он меня. – Возвращайтесь к Герману. Он определит вам ваше место работы и введет в курс дела, – Павел Геннадьевич подошел ко мне и дружественно пожал руку,

словно благословляя на ратные подвиги.

– Разрешите идти? – на всякий случай спросил я, снова вытянувшись по стойке смирно.

– Идите, – отпустил меня мой новый начальник.

Я четко, по военному, развернулся и строевым шагом вышел из кабинета. За дверью меня ждал Герман, который сидел на стуле и читал газету. Он повел меня к проходной, в “дежурку”, где быстро рассказал про все мои новые должностные обязанности.

Наша дежурная смена состояла из меня, Германа и нескольких местных деревенских бабулек, дежуривших по кольцу на шахтах-входах в тоннель ускорителя, прямо на поверхности. Старшим смены являлся Герман. Каждое утро он проводил инструктаж для дежурных и отвечал за охрану всего объекта ускорителя. Были еще три такие же смены, что позволяло нам работать сутки через трое. Основная обязанность у меня, как у охранника, заключалась в том, что мне требовалось днем сидеть у входа в здании УНК (ускорительно накопительный комплекс) и следить за пропускным режимом (этому я в совершенстве научился на прошлой работе). Дополнительно, я должен был принимать каждый час звонки от дежурных бабулек, что все у них без происшествий и регистрировать эти звонки в специальном журнале. Скажу заранее, что журнал я заполнял сразу на сутки, а бабульки упорно отказывались звонить нам просто так, без повода.

Была у меня с Германом еще одна приятная обязанность.

Один раз в неделю кольцо ускорителя нужно было осматривать на предмет затоплений, незваных гостей (бомжей и туристов) и сохранности хранящегося там дорогостоящего оборудования. Для этого в тоннеле имелся скутер, на котором мы совершали круговой объезд тоннеля ускорителя, по очереди с Германом. Из оружия у нас была резиновая дубинка, газовый баллончик и крепкие голые мужские руки. В случае проникновения на объект посторонних лиц, должностная инструкция требовала сразу вызвать полицию и следить за нарушителями, не вступая с ними в конфликт.

Все свои новые обязанности я освоил очень быстро. Эта непыльная легкая работенка мне очень понравилась. Людей здесь было мало, на работу можно было доехать быстро и без пробок, начальник оказался вполне дружелюбным типом. В общем – тихо, спокойно и хорошо. Если становилось совсем скучно во время смены, то можно было по тоннелю доехать на скутере до дежурных бабулек и пообщаться с ними на разные жизненные темы, узнать все последние сплетни и пощелкать семечек. Но, все это было всего лишь затишьем перед надвигающейся бурей.

Глава 2

:

Горыныч

Все эта удивительная история началась с крупных финансовых вливаний в наш заброшенный и немного секретный адронный коллайдер. Большую часть этих денег выде-

лило государство по программе развития нанотехнологий. Не меньшую часть перечислили местные предприниматели в качестве инвестиций в инновации, под давлением городской администрации и налоговой. Остальное заработал сам научный центр, продав что-то из ненужного, недавно разработанного, оборудования, которое еще не успели растащить на цветной металл. Жизнь внутри нашего ускорителя закипела, как в большом оживленном муравейнике. Почти каждый день к нам привозили новую, упакованную в прозрачную пленку, сложную технику, которую спешно монтировали нанятые рабочие нерусского происхождения, как в самом центре управления, так и по всему кольцу ускорителя. Все чаще и чаще к нам стали наведываться ученые-иностранцы и какие-то важные дяденьки из самой Москвы и правительства, которым устраивал экскурсии лично Павел Геннадьевич. Все уже полным ходом шло к тому, чтобы запустить в кратчайшие сроки свой собственный адронный коллайдер или как его называют у нас – “Ускоритель элементарных частиц”. Скорей всего, его решили реанимировать под программу развития нанотехнологий с целью вывести нашу страну из глубокого отставания в областях развития современных технологий и импортозамещения. Наночастицы должен ускорять наш коллайдер и делать это должны только наши русские инженеры.

Вот и наступил этот поворотный день в истории российского адронного коллайдера и моей скучной однообразной

жизни охранника! Все случилось в обычную предвыходную пятницу, и как назло, в мою с Германом смену. В этот день руководство УНК решило запустить первый пучок протонов по большому кольцу ускорителя в тестовом режиме, что бы столкнуть их с чем-то не менее мелким и совсем непонятным для меня. Основной целью этого пятничного мероприятия было проверить все новое оборудование на работоспособность, чтобы на показательном запуске ускорителя не случилось непредвиденных эксцессов и поломок. От этого запуска зависело дальнейшее финансирование всего проекта. Людей, точнее инженеров, в этот пятничный день внутри здания было немного. На пробные испытания прибыл лично начальник УНК товарищ Босс в сопровождение каких-то двух иностранных ученых и десятка лаборантов и инженеров, которым требовалось привести в рабочее состояние всю эту махину. Мне с Германом было приказано запереть здание изнутри, никого не впускать и не выпускать, а так же нам было велено быть со всеми в центре управления ускорителем. Я не понимал, зачем мы там с Германом понадобились, но я привык выполнять приказы умного начальника беспрекословно.

Центр управления ускорителем представлял собой небольшое помещение с очень высокими потолками. Эта комната была плотно заставлена многочисленными новенькими компьютерами, какими-то жужжащими стойками с мигающими зелеными, синими и красными светодиодными

ми лампочками. Из этих мигающих стоек торчало множество цветных проводов, которые либо снова подключались к стойке, либо уходили куда-то под пол. В комнате еще было два больших стола, на которых стояли два огромных пульта с цветными ручками, регуляторами и кнопками, похожие на микшер профессиональных звукооператоров.

Сегодня здесь было очень шумно из-за многочисленной работающей новой техники, кондиционеров и разговоров людей. Павел Геннадьевич носился по комнате, громко раздавая приказы направо и налево, как заправский боевой генерал. Из всех его выпускаемых в воздух слов я понимал только местоимения и маты. Он кидался сплошной научной аббревиатурой и терминами совершенно непонятными мне, но зато вполне понятной остальным его собратьям ученым и лаборантам.

– Ну, все! Пускаем пучок протонов по большому кольцу, – прокричал кому-то Павел Геннадьевич, впервые сегодня не используя мат в целом предложении.

Лаборанты защелками многочисленными кнопками на пультах, стойках и активно застучали по клавиатурам своих компьютеров. Оживление достигло пика.

– Пошел пучок, – крикнул один из лаборантов в огромных очках и старом изношенной коричневом свитере, с оттянувшимися рукавами и потертым грязным воротником клетчатой байковой рубашки, торчавшей из-под свитера. Этот лаборант сидел за большим плоским монитором современно-

го компьютера и наблюдал там за мигающей схемой кольца ускорителя. Я с Германом, все это время, стоял в сторонке у стеночки, подперев ее своими могучими пухлыми спинами, чтобы не мешать работать остальным. Мне совсем не было понятно, для чего нас сюда пригласили. Мы тут только мешали, но приказ начальника не обсуждалась. Мы стояли и ждали, периодически широко зевая, от этого скучного для нас процесса. В комнате становилось все жарче и жарче.

– Мы готовы к столкновению, – громко прокричал всем сквозь гул людей и техники, какой-то незнакомый мне ученый, одетый тоже в старый изношенный свитер.

Потертый старенький свитер, это самая настоящая рабочая одежда всех наших научных сотрудников в глубинке. Это научная мода, которая твердо поддерживается из года в год. Еще, под свитер, принято надевать байковые рубашки в клеточку. Особо стильные ученые, частенько, не брезгают нацепить на такую рубашку и яркий галстук, для солидности. Недавно мне попался такой, в свитере с оленем, ярким зеленым галстуком с утятами и густой нечёсаной бородой. Если бы не знал, что это кандидат наук и преподаватель на кафедре, я бы подумал, что это бомж, т.е. хипстер.

Павел Геннадьевич услышал, что все готово к самому главному. Все в комнате немного притихли, ожидая пускового слова от начальника. В этом ожидании, даже техника стала работать тише. Товарищ Босс перекрестился, смотря на портрет Эйнштейна, висящей здесь на одной из стен, и

поднял правую руку вверх.

– Пускай, – крикнул он, махнув рукой, словно давая старт гоночным машинам.

– У нас обрыв! – прокричал какой-то лаборант в синем халате, накинутом на свитер. Этот парень испуганно смотрел в экран монитора своего компьютера, активно нажимая кнопки на клавиатуре.

– Полная остановка! – громкая скомандовал Павел Геннадьевич. По его выражению лица, я понял, что случилось что-то нехорошее и сейчас начнут раздавать люля. Но это сделать он не успел, т.к. в комнате неожиданно вырубилось все освещение. Противно запищали резервные блоки питания компьютеров. Часть мониторов моргнула и погасла. Зловещи затихли вентиляторы воздухопроводов. Люди непонимающе вертели головами по сторонам, с немым вопросом – что тут произошло?

– Что случилось? – спросил я Германа, но он в ответ только недоуменно пожал плечами, продолжая внимательно следить за обстановкой.

Поинтересоваться у товарища Босса мы побоялись, потому что эта ситуация привела его в бешенство. Павел Геннадьевич нервно достал свой сотовый телефон из кармана, яростно набрал номер, тщательно и сильно выжимая каждую кнопку, и приложил трубку телефона к уху:

– Какого хрена у вас там происходит? – очень громко начал кричать он на человека, ответившего на его звонок,

словно он и не был кандидатом физико-математических наук. – Что у вас там такое случилось? Где, нафиг, долбанное электричество! Я вас всех, нахрен, поувольняю немедленно! – орал он в телефон, как прораб на строителей гастробайтеров. – Что сгорело? ...Как такое могло случиться? Ты что там? Сума сошел? У нас запуск ускорителя! Чини давай быстро! Что бы через минуту все было! – лицо нашего начальника покраснело от переполнившей его невероятной злости.

– Это он орет на начальника электростанции, – прошептал мне на ухо Герман. – На территории нашего объекта есть своя небольшая электростанция для нужд города и ускорителя.

– Понятно, – тоже шепотом ответил я, искренне жалея этого бедного человека, на которого наорал Павел Геннадьевич.

Пока товарищ Босс выяснял отношения с человеком в телефонной трубке, включилось освещение, снова загудели вентиляторы, погасшие компьютеры стали загружаться, тихо потрескивая и попискивая своими электронными внутренностями. Павел Геннадьевич осмотрелся и замолчал. Он сунул мобильник обратно в карман и подошел к человеку в синем халате, который известил всех об обрыве в кольце ускорителя:

– Где обрыв? – отрывисто спросил Павел Геннадьевич этого человека.

– В трех с половиной километрах отсюда, – ответил он и ткнул пальцем в монитор, оставив жирный след от пальца на экране.

– Герман! – крикнул в нашу сторону Павел Геннадьевич. – Быстро иди сюда! – приказал он. – И ты, Анатолич, тоже, – добавил товарищ Босс лично для меня, когда Герман двинулся к нему один. Местные уже давно ко мне привыкли, поэтому все называли просто Анатоличем.

Мы обступили монитор, на котором мигала красным цветом часть кольца ускорителя, изображенного здесь схематично.

– В общем так, Анатолич, нужно съездить вот в это место и посмотреть, что там случилось, – приказал мне Павел Геннадьевич, тыкая пальцем в красную точку на мониторе. – Семеныч! – позвал начальник кого-то из толпы, собравшейся позади нас.

К нам подбежал тощий пожилой мужчина в огромных увеличивающих очках, с яркой блестящей от пота лысиной, окаймленной редкими седыми волосами. От него несло свежим легким утренним перегаром. Мужчина был одет в синий рабочий халат на рубашку, в карманах которого громко звенели отвертки, гаечные ключи и прочий мелкий инструмент. На Семеныче не было свитера, поэтому я решил, что он не ученый, а простой лаборант или местный слесарь.

– Поедешь с Анатоличем в это место, – Павел Геннадьевич обратился к Семенычу, снова ткнув пальцем в жидко-

кристаллический монитор, где мигало красным цветом место поломки ускорителя, – и посмотришь, что там такое случилось с каналом, – приказал товарищ Босс Семенычу.

– Ты, это, – обратился ко мне Герман, – Не забудь позвонить мне оттуда, – дополнил он приказ начальника. – Там короб есть с телефонной трубкой. Мобильники в тоннеле все равно не работают. И это... еще...поосторожней там, – зачем-то добавил он, словно предчувствуя что-то неладное.

– Хорошо, сейчас сделаем, – спокойно ответил я и поправил форму. – Семеныч! – позвал я мужика с перегаром, – Иди за мной, – ласково отдал приказ я.

Мы погрузились в старый скрипучий лифт и медленно, слегка покачиваясь, опустились в тоннель ускорителя под землей. Нас никто не провожал, т.к. все были заняты восстановлением последствий перепада электричества. Внизу, прямо у входа в тоннель ускорителя, нас с нетерпением ждал старенький, немного потрепанный временем, служебный скутер, на котором мы, охранники, осуществляли объезды тоннеля ускорителя. Скутер был накрыт целлофановой пленкой защищающей его от пыли, а рядом с ним стоял годовой запас топлива в виде столитровой железной бочки с бензином и полуметровым черным резиновым шлангом на крышке бочки. Этот шланг предназначался для переливания бензина из бочки в бак скутера путем всасывания воздуха ртом через один конец шланга и знаний основ элементарной физики с другой.

Я бережно скинул целлофан со скутера и сложил его рядом. Скутер завелся не сразу, словно слегка покапризничал, что к нему давно не приходили, но услышав от меня пару добрый матерных слов, скутер все-таки ворчливо завелся. Стрелка на потрескавшейся панели приборов показала, что бензина нам вполне хватит съездить туда и обратно, а еще и сделать полный круг по тоннелю, если это потребуется. Я сел на скутер и поддал газу, прогревая его маленький двигатель. Семеныч сел позади меня и обнял по-мужски, крепко прижавшись к моей широкой спине своей небритой щекой. Спinoй я очень хорошо почувствовал в его внутреннем нагрудном кармане четвертушку с крепким напитком, спрятанную там от начальства. Скутер тяжело тронулся, низко просев от такой двойной ноши, и тяжело, с надрывом, повез нас к месту предполагаемой аварии, оставляя за собой белую полосу кучерявых выхлопных газов.

По всей своей длине, тоннель ускорителя, освещался обычными стоваттными лампочками, которые располагались в стеклянных древних плафонах советской сборки с потускневшими от времени стеклами. Плафоны висели в ряд, через каждые пятнадцать метров, прикрученные к боковым стенкам тоннеля. Этого скудного освещения было вполне достаточно для осмотра, но все равно было слегка темновато.

Через несколько минут мы пересекли отметку полуторакилометрового сектора где, по идее и показаниям монитора, находился тот самый обрыв канала ускорителя. Как гласила

пугающая красная надпись на стене, это была “ЗОНА № 03”. Семеныч попросил остановиться, так как ему требовалось внимательно изучить каждый метр канала ускорителя в этом секторе. Я резко нажал на тормоз скутера. Семеныч, повинаясь законом инерции, очень больно надавил на меня своей бутылкой в кармане. Я заглушил двигатель. Семеныч слез и вытащил из внутреннего кармана «чекушку» с водкой, которую сначала предложил мне.

– Будешь? – спросил он, хитро улыбаясь и подмигивая мне одновременно.

– Я на работе не пью! – недовольно отрезал я, пуская слюну при виде этого горячительного напитка. Выпить сейчас я был совсем не против, но этого не позволяли мне мои служебные обязанности. Именно поэтому я и злился.

– Ну...., как знаешь, – радостно ответил Семеныч, потому что все содержимое теперь достанется только ему одному. – За твоё крепкое здоровье и хорошие должностные обязанности, – ехидно произнес Семеныч и выпил половину бутылки одним залпом, задрав голову, при этом, высоко вверх. – Эх, хорошо, – проскрипел он, скорчив лицо, и занюхал выпитое рукавом своего рабочего халата. – Теперь пошли, – сказал он мне.

Семеныч пошел вперед, а я покатил руками за ним скутер, экономя бензин и чистый воздух в тоннеле, которого здесь было не так уж и много. Дальше мы передвигались исключительно пешком, внимательно осматривая широкую

трубу, протянувшуюся по всей длине тоннеля. Это, в принципе, была не труба, а канал ускорителя, по которому разогнались невидимые глазу протоны. Вдоль стены с трубой были проложены многочисленные пучки проводов. Через определенное расстояние трубу накрывали большие прямоугольные короба. Это были магниты, с помощью которых разогнались протоны, и регулировалась их траектория движения. Герман рассказывал мне, что если сдать на металлолом такую штуку (короб с магнитом), то можно потом будет жить безбедно до самой пенсии.

Семеныч шел рядом с трубой и постоянно постукивал по ней своим гаечным ключом на “двадцать”, как машинист поезда, проверяющий колесные пары. Этот ключ он достал из кармана своего халата, где были спрятаны и другие инструменты. Так мы прошли метров пятьсот. Я, все это время, руками катил за собой скутер, отчего немного устал и вспотел.

Вскоре мы прошли мимо небольшой закрытой железной коробки размером с почтовую посылку, подвешенной на бетонной стене тоннеля ускорителя, на уровне глаз. На крышке коробки была нарисована синяя телефонная трубка. Коробка давно покрылась ржавчиной, проступившей через облупившийся и потрескавшийся толстый слой зеленой краски. Это и был тот самый телефон, о котором мне и говорил Герман, и с которого мне нужно было позвонить ему. Но сейчас я решил пока не делать этого, так как место обрыва мы еще не обнаружили, и сообщать было нечего.

Сразу за коробкой с телефоном находилась большая железная дверь, встроенная в громадные стальные ворота. Ворота были плотно закрыты, а сама дверь поскрипывала от сквозняка и была не заперта. Это был проход в одну из при-
мыкающих к тоннелю ускорителя шахт, ведущих наверх и к подземным помещениям в этом секторе, вырытым заодно с тоннелем ускорителя. С помощью таких шахт доставлялось оборудование прямо в тоннель и в другие помещения под землей. Еще, эти шахты служили для проводки коммуникаций, вентиляции и аварийными выходами. Почти у каждой такой шахты, на поверхности, был свой собственный охранник бабулька. В этом секторе, на поверхности, несла свою предпенсионную вахту Клавдия Захаровна. Это была бабушка божий одуванчик, которая постоянно подкармливала меня с Германом вкусными свежими домашними пирожками с творогом или поила нас ароматным парным молочком от своей буренки. Помимо всего, Клавдия Захаровна пасла тут своих любимых коз, что помогало ей коротать время, а потом, в перерывах между сменами, продавать на рынке свежее и очень полезное козье молоко.

Я с Семенычем прошел дальше по тоннелю, пройдя мимо входа в шахту с железными воротами. Далеко нам идти не пришлось. Через тридцать метров мы сразу обнаружили явное место обрыва кольца ускорителя. В этом месте труба, точнее канал ускорителя, оказался разворочен неизвестными умельцами, которые пытались выкрутить из него медную

проволоку. Этой проволокой канал ускорителя был обмотан по всей своей длине, под толстой стальной обшивкой. Судя по оставленным здесь следам, хулиганы орудовали монтировкой, ножовкой и кувалдой, лежавшими прямо на трубе. Рядом с местом поломки, на бетонном полу, стоял небольшой отрытый черный ящик с инструментами. Возле него валялись две пары резиновых перчаток и две белых кепки с надписью ЛДПР. Хозяев кепок нигде видно не было.

– Стой, – остановил я рукой Семеныча, опасливо озираясь по сторонам. Семеныч что-то недовольно пробурчал. – Да тихо ты, – вежливо попросил я его, когда он шумно полез в свои карманы за инструментами для ремонта.

Мой боевой опыт, подсказывал мне, что тут опасно. Как только я убедился, что никого живого здесь больше нет, кроме нас с Семенычем, я осторожно подошел к брошенным инструментам и потрогал полотно ножовки указательным пальцем – оно было еще теплым.

Скорей всего они убежали, услышав, как мы приближаемся. Если бы Семеныч не стучал своим ключом, я бы поймал этих гадов на месте преступления и проявил себя с лучшей стороны. Я позвал Семеныча к себе. Он подошел к месту обрыва и задумчиво почесал свой лысый затылок, оценивая нанесенный ущерб. Потом он снова достал свою четвертушку с водкой, немного отхлебнул и сел на ящик с инструментами, оставленный впопыхах неизвестными.

– Починить сможешь? – спросил я, слабо веря в возмож-

ности алкоголика Семеныча.

– Ну.у.у.у.у..., – медленно и задумчиво произнес он, вставая с ящика. – Дай сигаретку, – неожиданно попросил он. Я достал пачку и протянул ее Семенычу. Он трясущимися руками, с трудом, вытащил одну сигарету, достал из кармана зажигалку и закурил, продолжая размышлять. Пачку моих сигарет он сунул себе в карман халата. Затем Семеныч снова подошел к дыре в трубе и стал внимательно рассматривать ее, сквозь сигаретный дым. – Попробую, – ответил он и полез рукой в развороченное отверстие, что-то там щупая и недовольно бормоча под свой нос.

– Ты уверен? – поинтересовался я.

Семеныч одобрительно кивнул головой, занявшись ремонтом.

– Ладно, я пока наверх сгоняю, – сказал я Семенычу, колдующему над трубой. – Надо проверить там все. Может, еще успею поймать кого-нибудь из этих засранцев, – мечтал я. – А может и Клавдия Захаровна наверху их заметила и узнала, – я поставил скутер у стены, т.к. подставка давно была сломана.

Через минуту я вошел в железную дверь шахты, оставив занятого ремонтом Семеныча и скутер у места поломки канала ускорителя. Грузовой лифт в этой шахте был, но он давно не работал, поэтому мне пришлось лезть по ржавой железной лестнице вверх самому. Это оказалось довольно таки тяжело потому, что высота была приличная – метров

пять, а может быть и больше. Вылез я в просторном темноватом помещении на поверхности земли. Это был вход в шахту сверху. Большая часть этого пространства оказалась забита старыми автомобильными покрышками, пыльной сложенной мебелью сваленной в одну кучу, и прочим советским хламом. Освещалось помещение слабыми лучами солнца, через зияющие повсюду дыры в стенах и потолке. Входные железные ворота в это помещение оказались раскрыты нараспашку, раскачиваясь и ударяясь от ветра об стены. Непорядок! Это грубое нарушение требований наших регламентов охраны объекта! Эти ворота должны быть всегда закрыты с той стороны большим навесным замком, ключ от которого был у нас на охране и у Клавдии Захаровны, охраняющей этот вход здесь, на поверхности. Значит, замок либо сломали, либо открыла его сама Захаровна. Но, если это сделала она, то зачем? Отрывать их без разрешения Германа, было строго настрого запрещено, а он таких указаний точно не давал. Я вышел на улицу и зажмурился от яркого солнечного света. На улице было настоящее лето. Красиво щебетали беззаботные птички, мирно паслись бабкины козы, порхали белоснежные бабочки и дул приятный летний ветерок. Я сделал пару шагов вперед и неожиданно упал, споткнувшись об валяющуюся на боку табуретку. Я поднялся, отряхнул штаны и поставил табурет на ножки. Табурет я узнал сразу. Этот предмет мебели принадлежал Клавдии Захаровне. Именно на нем она сторожила вход и следила за козами.

Я осмотрелся по сторонам. Владелицы табуретки нигде не было. Я сложил ладони в виде рупора, поднес их к губам и прокричал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.